

“ВСЕГДА СВЕРЯЮ СВОИ ДЕЙСТВИЯ С БУДУЩИМ”

*Беседа Почетного гражданина Калужской области СТАНИСЛАВА КУНЯЕВА
с Губернатором Калужской области АНАТОЛИЕМ АРТАМОНОВЫМ*

Ст. Куняев: Анатолий Дмитриевич, встречаемся мы с Вами в достаточно сложное время. Экономический кризис, пожары, стихийные бедствия. Но мне бы хотелось сегодня поговорить с Вами не только об этих апокалиптических кошмарах, но и о многом хорошем, о чем мы мечтаем и что осуществляем. И, на мой взгляд, лучше всего поговорить о судьбах общей для нас нашей малой родины. Вы человек крестьянского происхождения, из села Красного, а мое детство, хотя я родился в Калуге, прошло в деревне Лихуны.

Ан. Артамонов: Не самое плохое место.

Ст. К.: Да, не самое плохое, в памяти у меня до сих пор живут леса, поля, овраги, речка моего детства. Нам знакома сельская жизнь, и это роднит нас в понимании того, чем для нас является малая родина. Вы годитесь мне в сыновья – я с 1932 года, а Вы с 1952-го. Но чем быстрее бег времени, тем более живыми становятся мои воспоминания. Они вот в этом трехтомнике “Поэзия. Судьба. Россия”. Хочу подарить Вам мою заветную книгу о России, о калужской земле, о наших судьбах.

Ан. А.: Спасибо, Станислав Юрьевич, это для меня очень дорогой подарок, потому что я отношусь к Вам с огромным уважением, и не только я, но и все калужане. И мы очень гордимся, что у нас есть такой земляк. Спасибо, что не прерываете связь с родиной.

Ст. К.: Калуга для меня не просто место рождения. Я здесь бываю по несколько раз в год, слава Богу, что у меня здесь есть рабочий кабинет, это квартира матери, подаренная мне калужским правительством при Вашем участии. Я бы не написал очень многого за последние 15–20 лет, если бы у меня не было такого уголка, куда я убегаю от московской суеты, от перегрузок. Я здесь лечусь, здесь на Пятницком кладбище лежит вся моя родня по материнской линии. Здесь я отмечаю свои юбилеи. Здесь моя школа... Я горжусь, что окончил 9-ю железнодорожную школу, а сейчас это гимназия им. Циолковского – одна из лучших школ до сих пор. На юбилеи школы меня регулярно приглашают учителя.

Я шефствую над библиотекой моей школы и над многими другими калужскими библиотеками. Связи с Калугой у меня не прерываются, а нарастают. Малая родина моя – она и в моем уме и в моем сердце всегда. А какие у Вас, Анатолий Дмитриевич, отношения с Вашей малой родиной, с селом Красное?

Ан. А.: Вы затронули важную тему, Станислав Юрьевич... Сейчас можно слышать из уст многих людей такое странное словосочетание: “в этой стране”. А я никогда не скажу о своей малой родине: “в этом селе”... Я всегда говорю: “в моем селе, в моей области, в моей стране”. Не бывает ни одного дня, чтобы я не вспомнил о своей малой родине. Я люблю бывать там, это

меня подпитывает, и когда предоставляются возможности помочь моей малой родине, всегда это делаю. Недавно мы построили там прекрасный храм Пресвятой Богородицы, и Вы знаете, Станислав Юрьевич, я просто ощущаю, как внутренне изменились с открытием этого храма люди... Мы пытаемся воссоздать там животноводство, сейчас строится ферма. Я пытаюсь найти людей, способных открыть там производство, дать возможность моим сельчанам трудиться и зарабатывать. Я встречаю многих своих сверстников, дети которых сейчас живут в Калуге или в Брянске. Не все имеют в городах свое жилье, а в селе Красном стоят прекрасные дома, в моем селе всегда жили отличные плотники. Помню свои детские впечатления: выезжая из нашего села в иные места, я с удивлением смотрел на покосившиеся, вросшие в землю домики без фундамента. В Красном это невозможно было увидеть. У нас всегда строили крепко и основательно.

Ст. К.: А Вы, Анатолий Дмитриевич, как-то рассказывали, что в школу ходили за 7 километров от дома...

Ан. А.: Но это последние 9-й и 10-й классы. А неполная средняя школа у нас всегда была в центре села. Но село-то большое! И до этой школы нужно было идти 2 километра пешком... Детство не забывается, я очень люблю свое село и держу в уме – как результаты моей работы отзовутся на моей малой родине. Для меня важно, что думают обо мне мои земляки, и я живу так, чтобы мне не было стыдно перед ними и перед всеми жителями области. Я всегда говорю моим коллегам: вы не ждите сегодня похвалы себе, сегодня вы ждете только критики. Вы должны думать только об одном: как вашу работу будут оценивать потом, будущие поколения. Вы, Станислав Юрьевич, и по своему писательскому труду знаете, сколько имен в нашей культуре, литературе при жизни не получили признания...

Ст. К.: Да, это бывает достаточно часто.

Ан. А.: А в управленческом труде это бывает почти всегда. И потому я работаю на самоконтроле. Всегда сверяю свои действия при исполнении должности с будущим. Стремлюсь заглянуть вперед – не во вред ли это будет людям, что будут жить после нас.

Ст. К.: А я, Анатолий Дмитриевич, лишь недавно узнал, что Ваш отец Дмитрий Михайлович – ветеран войны, и что он живет в селе Красном.

Ан. А.: Да, он фронтовик.

Ст. К.: Сейчас продолжается юбилейный год Победы, и мне хочется вспомнить и о своих родственниках. Моя мать всю войну проработала во фронтовых госпиталях, брат ее Железняков Сергей Никитич был летчиком, штурманом Авиации Дальнего Действия. Достаточно сказать, что осенью 1941 года, когда немцы подходили к Москве, и Сталин приказывал Голованову – командующему Авиацией Дальнего Действия – бомбить Берлин, наши летчики этот приказ выполняли. Мой дядя дважды или трижды слетал туда и обратно. Его наградили орденом Красного Знамени. У меня сохранились старые “Известия” от 15 октября 1941 года, где сообщалось о награждении. А ведь это было тогда, когда немцы стояли в 20 километрах от Москвы и рассматривали нашу столицу в бинокли. А мы бомбили Берлин! Мой дядя был еще награжден не раз. Погиб он в 1943 году... Занесен в Книгу Славы Калужской области. Отец мой погиб в Ленинграде. Он был невоеннообязанным, но готовил ополчение на случай, если немцы войдут в город. В Институте физкультуры есть мемориальная доска, на которой имена всех погибших во время войны сотрудников этого института. И первый среди них – Куняев Юрий Аркадьевич. Он в 1942 г. был награжден посмертно медалью “За оборону Ленинграда”. А как в Калужской области, Анатолий Дмитриевич, осуществляется программа помощи ветеранам?

Ан. А.: Мы выполнили, как, я надеюсь, и все регионы, указание по обеспечению жильем всех участников войны, что стояли в очереди до 2005 года. Сейчас реализуем эту программу дальше – уже для всех вообще ветеранов войны.

Ст. К.: Их же немного уже осталось...

Ан. А.: И кроме того, я сказал всем главам местных администраций области, и это не подлежит обсуждению, что любая возможная помощь ветеранам должна быть оказана. Но очень бы хотелось, чтобы человек в пожилом возрасте имел радужное к себе внимание со стороны своих родных. Бывает ведь обидно, когда дети и внуки ветеранов, вместо того чтобы окружить их

теплом и заботой, выгоду от них стремятся получить. Мы проанализировали сейчас, кто живет в тех квартирах, что мы предоставили для ветеранов, и, к сожалению, не всегда там живут сами ветераны... А ветераны как жили в плохих условиях, так и живут. И закон нам в данном случае не дает никаких возможностей поправить эту ситуацию, остается только призывать к совести этих родственников. Вы сейчас упомянули об участии в войне своих родных, а мой отец с сорокапяткой всю войну прошел. Это орудие в шутку называлось "Прощай, Родина!"...

Ст. К.: Это противотанковое...

Ан. А.: Да, и когда уже ад крошечный вокруг на передовой, то чудо, если кто-то у этого орудия оставался в живых. Мой отец был дважды тяжело ранен, лежал на поле боя и смотрел в небо. А сам в это время думал, так он рассказывал мне, что если бы Господь оставил его в живых, и у него родился бы сын, то после этого пусть бы и смерть пришла, лишь бы род продолжился... И вот, я думаю, как же так – ветераны в войну победили, восстановили страну, родили детей, теперь и внуки и правнуки у них есть, а их потомки, вместо того чтобы благодарными быть им за это, так еще спекулируют на их судьбе... Мы иногда смешиваем понятия нужды человеческой и морали. Жаль, что это происходит.

Ст. К.: Вы знаете, Анатолий Дмитриевич, я иногда вспоминаю себя подростком, помню 1947 год, половина или больше половины из нас были без отцов. В 1951 году я закончил десятый класс, и нас было всего 20 человек – небольшой был класс, и отцы были только у четырех человек, все остальные – безотцовщина. Нас матери растили и бабушки. Но поразительно, что дух Победы просто окрылял нас в отрочестве, делал нас упорными, жизнестойкими, целеустремленными. Я помню, тогда вошла в обиход прекрасная песня, что жива и до сих пор, Михаила Исаковского "Летят перелетные птицы... ", и она меня так поразила тогда, а я уже и стихи писал. И вот однажды я шел в школу от Загородного сада. Когда проходил мимо Парка культуры, то очень уж захотел ее спеть. Побежал на откос, к Оке, и начал ее петь, глядя на правый берег, еще не заселенный. И вот, когда дошел до слов: "Желанья свои и надежды связал я навеки с тобой, с твоею суровой и сной, с твоею завидной судьбой...", я почувствовал, что у меня слезы наворачиваются на глаза от этой песни... Из 20 окончивших со мной школу одноклассников 18 поступили без всяких репетиторов в лучшие вузы Москвы. У нас была прекрасная классическая система образования, никаких ЕГЭ. Так что и беда была, но эта беда сделала нас, детей войны, особым поколением. Я с благодарностью вспоминаю этот дух Победы, время, которое навсегда останется в истории человечества...

Анатолий Дмитриевич, я знаю, Вы будете говорить еще о несомненных успехах Калужской области.

Ан. А.: Не буду.

Ст. К.: Но я знаю, что у Вас один из самых низких по стране процент безработицы, знаю, что Калужская область была дотационным регионом, когда Вы вступали в должность, а теперь осталось чуть-чуть, и область расстанется с таким понятием. Ваши индустриальные парки, я проезжал мимо них, останавливался, смотрел на строительство, поражался... Вас, Анатолий Дмитриевич, считают одним из удачливейших губернаторов в смысле инвестиций. Я разговаривал с другими губернаторами, которые, честно сказать, иногда с завистью говорят, как у Артамонова все получается! Но о таких фактах любой губернатор расскажет, если есть ему чем похвалиться. Но кроме этих фактов есть мысли и чувства, которые убеждают не меньше фактов. Я с горечью и негодованием вспоминаю 90-е годы, когда отдельная, небольшая, но мощная часть наших СМИ представляла патриотизм бранным словом. И слово "патриот" – тоже. Слава Богу, за последние 10 лет это как мокрой тряпкой стерто. Сейчас уже мало кто позволяет издеваться над словом "патриот" и "патриотизм". А вот Вы, Анатолий Дмитриевич, так сказали на одном из своих сайтов: "Здоровый патриотизм сидит сегодня в любом американце, японце или китайце, а у нас в России чувство, что я живу в родной стране и должен сделать все, чтобы моя страна была самая-самая – это все в последнее десятилетие было вымыто из наших мозгов". Сказано смело и правдиво, я с Вами совершенно согласен. "Если чувством патриотизма будут пронизаны не только те, кто у станков стоит, но и министры, и правительство, и все, кто ставит стратегиче-

ские задачи, то эти стратегические задачи страна выполнит”. А вот дальше идут такие слова, в которых я вижу Вашу мечту: “Мы должны приложить все усилия для того, чтобы у коренных жителей Калужской области была гордость за свою малую родину, а многие граждане России мечтали бы жить на благословенной Калужской земле”. Что Вы еще можете добавить к этому?

Ан. А.: В этих словах заключается программа, я бы так сказал. Что такое – каждый калужанин должен гордиться тем, что он живет на своей благословенной земле? Это значит, что мы должны сделать настолько привлекательным наш край, так его обустроить, такие возможности создать, чтобы эта мечта стала былью. И когда меня спрашивают: зачем столько времени Вы уделяете благоустройству, я отвечаю, что красивая окружающая среда поднимает настроение, дает и заряд на работу, и удовольствие возвращаться домой. А если всё это оставить в неприглядном виде, ничего не менять к лучшему, знаете, тогда поневоле сбежишь... Скажешь себе: поеду-ка я в Москву или еще куда искать свое счастье. Надоело мне в провинциальной грязи барахтаться. Вот в этом смысл благоустройства. Недавно прочитал на одном сайте во время недавних пожаров: надо Артамонову посоветовать весь лес выложить плиткой тротуарной, тогда не загорится... Это, видимо, в ответ на мою работу по благоустройству города. Это, конечно, ирония, но все равно, я вижу в этом не насмешку, а добрый юмор. Все это делается для людей. Я с удовольствием наблюдаю сейчас, насколько в хорошую сторону меняется облик наших населенных пунктов – и городов, и районных центров. Вам, Станислав Юрьевич, может быть, не все удалось посмотреть, а Вы поезжайте и в Тарусу, и в Козельск, в любой город – в Юхнов, в Спас–Деменск, и Вы увидите, насколько они изменились к лучшему. Там действительно приятно сегодня жить. Но это все не само собой пришло. Вот я недавно был в одной европейской стране, и меня поразило: Европа, казалось бы, а по обочинам дорог – бумажки, бутылки, пластиковые пакеты валяются... А я уже терпеть это у себя в области не могу. Увидел мусор, тут же звоню главе администрации соответствующего района и говорю: когда я буду ехать обратно – этого быть не должно. Ведь чистота создает настроение, и мы сейчас специально создали предприятие, которое будет заниматься уборкой мусора. Воскресники, субботники – это хорошо. Но граждане платят налоги, и этого достаточно, чтобы власть наводила порядок. Конечно, есть много других вопросов, влияющих на настроение людей, – заработная плата, жилье, устройство детей – это все формирует настроение человека, но есть общий фон жизни, который мы должны создавать. И в этом плане за нашу область не надо агитировать, за ее красоты, за ее историю, за нашу культуру, насыщенность памятными местами, которые мы всегда своим гостям с удовольствием показываем. Но в добавление ко всему тому, что нам досталось от предков и от природы, мы должны сами привносить каждый день что-то новое, что-то свое, что должно расположить любого человека к калужской земле. И вот то, что Вы сказали сегодня, Станислав Юрьевич, это очень верно. О Калуге теперь уже никто не говорит пренебрежительно, как о некоей заштатной территории. И это здорово!

Ст. К.: Вы, Анатолий Дмитриевич, неформально относитесь к своей работе, живете своими планами, своими чувствами, а не просто по должности все выполняете. Прочитал я недавно два отрывочка из Ваших интервью и отметил, что выглядят они, я бы сказал, по-писательски, что неожиданно было для меня. Вот Вы говорите: *“Предки не только оставили нам великие духовные и культурные традиции, но и несметные кладовые природы, жизненные пространства...”* И вот дальше – очень важно: *“Мы обладатели реальных богатств, и как бы нам ни вредили потрясения в мире, наше благополучие зависит от нас самих”*. Это крайне важная мысль! И еще мне очень понравилось, что Вы сослались на Пушкина: *“На предпоследнем в 2008 году заседании правительства я посоветовал коллегам вспомнить поэтическую фразу Пушкина об экономике государства: “...чем государство богатеет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет”* – это строчка из *“Евгения Онегина”*.

Ан. А.: Да, было такое...

Ст. К.: А дальше мысль необычная для людей, стоящих на высоких должностях, сказанная поэтическим языком: *“Если не знать историю своей страны, то не будет источника вдохновения для того, чтобы свою жизнь посвятить Отчизне, своему государству. Для меня это не красные слова. Но что значит судьба одного человека в сравнении с тем, что земля будет процветать? Поэто-*

му, если кто-то из моих молодых коллег говорит: я устал, я хочу отдохнуть... — я отвечаю ему: но почему ты устал, ты посмотри, какая история нашей земли... Нам надо гордиться, нам надо сделать ее ещё лучше” — замечательные слова. Спасибо Вам за них!

Ан. А.: Когда кто-то говорит: ну так же нельзя, так можно не выдержать, даже умереть... — я говорю: ну и что? В конце концов — все мы смертны. Но вот после вступления в должность журналисты спрашивали меня, и я ответил: мне Господь Бог дал такую судьбу, мне посчастливилось, мне дана такая возможность послужить людям, всем, кто живет на моей земле, и было бы совершенно неправильно, постыдно даже не использовать возможность быть честным по отношению к людям. Здесь нельзя жалеть себя, нужно всего себя отдавать и успеть что-то сделать. Надо бояться не работы, а бояться не успеть совершить эту работу.

Ст. К.: Анатолий Дмитриевич, есть много обстоятельств, которые может быть, и сильнее нас. Поэтому сейчас, говоря о наших достижениях, невольно думаешь: сколько еще не сделано, и более того — сколько изъянов в нашей жизни, и я сейчас затрону некоторые из них, опять же ссылаясь на Вас. Это такие тупики нашего развития, которые я называю абсурдом гайдаровских реформ, гайдаровского разгосударствления, доведенного до абсурда, что даже таких энергичных руководителей, как Вы, ставит в труднейшее положение. Вот пример. Я бываю на севере Архангельской области, рыбачу на реке Мегра, и что же там случилось? Местное законодательное собрание, не знаю уж по каким соображениям, отдало реку, в устье которой стоит деревня Мегра, и где живут поморы, в аренду.

Ан. А.: Реку?

Ст. К.: Да, реку. На 49 лет. А что такое поморская деревня на севере? — там пашен нет, там болота, узкие ленточные леса и река, по которой местные жители добираются на лодке за дровами, где ловят рыбу, до озер дальних добираются. Эта река была единственным постоянным источником жизни и пропитания поморских жителей. Как можно было допустить! Вот в той же Мегре вернулось с войны всего три человека. Они защищали эту землю, эти реки, этот лес — это все должно быть во всенародном пользовании, а теперь там охрана, выставленная арендаторами, с помповыми ружьями встречает местных жителей и гоняет их.

Ан. А.: Ну, я понимаю — пруд отдать в аренду...

Ст. К.: Нет, это река! — 200 километров.

Ан. А.: Это абсурд.

Ст. К.: А Лесной кодекс наш нынешний?.. Почему такие у нас пожары этим летом? Говорят, что частный бизнес всегда эффективен. Но с лесом явно не получается. Снимают сливки с этих лесов, выпиливают в тайге все под корень; мне рассказывал Валентин Распутин, пеньки только остаются, а после нас, как говорится, хоть трава не расти... К чему все это я говорю, Анатолий Дмитриевич? — Вы поставили вопрос о пустующих землях, вышедших из сельскохозяйственного оборота...

Ан. А.: Мы об этом часто говорим...

Ст. К.: Но Вы сформулировали это настолько точно, что я понял: это одна из основных причин, которые мешают нам развиваться дальше. Вот Вы говорите в интервью: *“Немалая часть калужских земель превратилась в товар для спекуляции, а где-то просто в омертвленную недвижимость, и сегодня мы уже не можем людям, желающим заниматься сельским хозяйством, предложить свободных земель, мы тратим усилия на поиски инвесторов, уговариваем их вложить деньги в простаивающие сельхозугодья, но хозяин, не склонный хозяйствовать на земле, отказывается ее продавать по приемлемой цене”*. Более того, Вы даже недавно рискнули сказать такую вещь, что *“... в рамках Организации Объединенных Наций должно существовать наказание для государств, которые не обрабатывают пригодные для возделывания сельскохозяйственных культур земли. Стыдно, у нас столько земель, а мы покупаем продовольствие. А ведь почему мы стали экспортировать зерно? — мы поубивали своих коров, некого стало кормить, нет своего скота, вот и стали вывозить зерно”*. Я, Анатолий Дмитриевич, снимаю шляпу перед Вашей смелостью, когда Вы сказали: *“Я подозреваю, что люди, которые имеют влияние в Москве, в том числе и в Госдуме, нахапали, применю это слово, пахотной земли, и им теперь надо добиться, чтобы ее разрешили перевести в земли*

инных категорий, тогда она сразу на несколько порядков вырастет в цене”. Но что вот с этим делать, Анатолий Дмитриевич?

Ан. А.: Только одно – закон надо принимать. Тот, который позволил бы это зло победить. Вы знаете, Станислав Юрьевич, я думаю, что все равно в конечном итоге правда победит и здравый смысл восторжествует. Вы затронули тему пожаров – это тоже оттуда...

Ст. К.: Те же корни.

Ан. А.: Да, оттуда. Причем есть вещи, которыми должно заниматься именно государство. Например, обеспечением пожарной безопасности даже тогда, когда леса арендуются. Каждый арендатор не может на арендуемом участке построить свою пожарную часть! Это был бы абсурд. Он должен платить налог, а за эти налоги государство должно обеспечивать детям образование, больным лечение, а всему населению – пожарную безопасность. Сейчас вот Путин Владимир Владимирович четко сказал, что государство в данном случае проморгало, но уже принимаются меры, чтобы эту ситуацию исправить. И мы здесь у себя совсем недавно эту тему обсуждали, говорили о тех уроках, что извлекли для себя. Я предложил, что вдобавок к государственной службе пожаротушения – причем плохого пожаротушения, несвоевременного, – мы должны воссоздать те добровольные пожарные дружины, которые когда-то у нас были, оснастить их техникой, и в каждом населенном пункте население о своей безопасности тоже должно думать. У нас бывали случаи, я проезжал по населенным пунктам, которым угрожал пожар, и говорил – ночью все не спите, по очереди дежурьте и в случае необходимости – у вас телефоны есть, сообщите хотя бы... А многие отвечают: а почему это мы должны, Вы должны нас охранять!.. – Но это, знаете тоже неправильно, в общественном сознании необходимо преодолевать иждивенческий подход. А Вы посмотрите на Австрию, на Германию – у них вообще нет государственных пожарных частей, только добровольцы. И это было когда-то и в царской России, да и в советские времена. Мы просто ушли от этого, забыли, а зря. Но сейчас Вы, Станислав Юрьевич, затронули вопрос о земле...

Ст. К.: 40 процентов пахотной земли выведено из оборота в Калужской области.

Ан. А.: Да, причина в отсутствии закона. Причем дело даже не в тех думцах, что нахапали много земли. Мне кажется, нужно будет разобраться в этой проблеме поосновательней, на уровне Правительства Российской Федерации. Мы видим, что подсказка с мест сейчас очень эффективна, и вопросы решаются.

Ст. К.: Что-то на нынешнего министра сельского хозяйства у меня надежды нет.

Ан. А.: Ну, Елена Борисовна здесь ни при чем, это не ее прерогатива, она должна думать о развитии действующих производств. На мой взгляд, она справляется с этой задачей. Но то, что сегодня есть пустующие земли – это не только наша, это и ее боль, и она тоже заинтересована в том, чтобы были приняты такие законодательные акты, которые позволили бы просто убрать с неиспользуемых земель неэффективных собственников, а попросту говоря – проходивцев.

Ст. К.: А вот еще одна болячка. Уже демографическая. У меня после войны была маленькая сестренка, ей было 4 года, и я ходил на кухню детского питания, тогда государство, обескровленное войной, держало эти кухни, где можно было получить молочные смеси, кефирчики, кашки, еще что-то, и стоило это копейки, почти даром. И не только у меня, у моих друзей были младшие братья, сестры, и мы бежали через весь город к этой маленькой кухне, находившейся в здании бывшей церкви, где нам давали эти бутылочки. А что сейчас? Вот опять в результате этих лихих, мягко говоря, 90-х по всей России распродали помещения детских садов, и Вы, Анатолий Дмитриевич, так это все прокомментировали: *“Чтобы быстрее ликвидировать позорящую нас очередь (а по нашим данным, 6 тысяч очередников в области), надо не только форсировать строительство новых дошкольных учреждений, но и подумать о возвращении перепрофилированных детских садиков. Приватизация лишила детей зданий в самых густонаселенных районах. Настало время продумать, как обойтись с этими зданиями”*. Получится ли что из этого?

Ан. А.: С теми зданиями, что находятся сейчас в частной собственности – с ними мы ничего сделать не сможем, надо смотреть правде в глаза.

Мы не можем повернуть все вспять. Другое дело, мы можем предложить собственникам взаимовыгодные условия, чтобы они уступили нам эти помещения, а мы им взамен что-то дадим. Но беда в том, что многие эти помещения сегодня используют государственные организации не по назначению. Например, в Калуге Октябрьская управа находится... в детском садике. **В Тарусе Академия наук – там же. Я вот к президенту Академии Осипову ходил и сказал ему: вы же самые умные, самые просвещенные, самые передовые. Вы должны заботиться о судьбах нации. В Тарусе очередь – несколько сот человек, а ваши люди цинично закрывают садик и отдают его коммерческим структурам. После нашего разговора прошел год, но ничего не изменилось. Но недавно я сказал ему: ты жди моего выступления в федеральных средствах массовой информации, и я твой пример приведу и расскажу во всеулышание об этих ваших проделках. И что есть из себя Академия наук, если она думает о науке, но не думает о тех, кто эту науку будет развивать в будущем. То есть о нынешних детях. И таких примеров множество – заводские детские садики, федеральным учреждениям принадлежащие. Мы еле-еле выцарапали у железнодорожников 3 или 4 детских садика, и то не бесплатно. А что такое железная дорога? – это государственное предприятие, а мы должны выкупать, как будто это чужая страна. Весь народ строил эти детские сады. Почему мы должны друг у друга выкупать то, что принадлежит нашим детям? Регион должен выкупать собственность у Федерации! А ведь если мы в области видим, что какая-то собственность области не нужна, а нужна нашим муниципалитетам, мы ее отдаем им бесплатно. Никогда мне в голову не приходила дурная мысль спросить с муниципалитета за это деньги. Я больше скажу: те учреждения, что находятся в государственной собственности, но используются не по назначению, если бы их вернуть детям, то и их бы хватило. Об этом говорят все руководители субъектов Федерации, и я надеюсь, что решение этого вопроса будет найдено. Но я предложил и другой вариант решения проблемы. Сегодня содержание ребенка в детсады обходится недорого. Мы готовы эти деньги отдать родителям. Пусть мама сидит со своим ребенком и возьмет еще детей ближайших соседей. Мы готовы такой маме и стаж засчитывать, и оплату этого труда производить. Законы области это позволяют.**

Ст. К.: Я этот кусочек нашей беседы выделю жирным шрифтом. Я знаком с Осиповым и с Якуниным – привезу и положу им на стол этот текст!

И еще одна болячка, простите, что перехожу к ней. Знаете, ехал я недавно в Сергиев Посад, и вот когда Кольцевую дорогу переезжаешь, стоят толпы людей из наших азиатских республик: таджики, киргизы, узбеки. Готовы на любую работу, лишь бы взяли их – землю копать, мусор вывозить, заборы ставить... Да, разрушение Советского Союза принесло много несчастий простому люду. Разве это жизнь? Иногда их обманывают, “кидают”, не платят им, постоянно такие конфликты происходят. Обратнo я ехал в такой пробке, что едва-едва ползли, утром рано. Это едут на работу из маленьких городков Московской области в Москву люди. Потому что в этих городках типа Серпухова, Сергиева Посада, Красноармейска и т. д. – такая безработица или так мало платят, что они готовы мучительную дорогу делать туда и обратно каждый день. Жизнь на износ. И столкнулся я недавно со своей племянницей калужанкой, она в Москве живет, она рассказала мне то, что я увидел потом на Вашем сайте: о том, что калужские медсестры ездят в Московскую Градскую больницу автобусом. Профессионально это блестящие работницы, делают все быстро, четко и скорей, скорей, скорей – успеть на обратный автобус в Калугу.

Ан. А.: Многие ездят из Калуги работать в Москву, а потом два дня дома...

Ст. К.: Да, по-всякому бывает. И Вы подтвердили ту информацию, что я получил от моей родственницы. “Почему ездят на работу в Москву? – Там медсестра получает 15 тысяч рублей в месяц, а в Калуге – 8 тысяч с трудом”.

Я, Анатолий Дмитриевич, сам из врачебной семьи: у меня мать была врач, а по отцовской линии у меня дед был знаменитый хирург, мемориальные доски ему висят в Нижнем Новгороде – он там организовывал больницы еще до революции. Бабка моя, его жена, была акушеркой, так что медицинские дела в генах у меня. Что можно предпринять во всем этом, вот после этой Вашей оценки. Что-то движется, что-то предполагается?

Ан. А.: Какое решение? Поднять заработную плату в два с половиной раза. Но не всем работникам здравоохранения бюджет позволяет платить большие деньги, только выборочно, тем, в ком мы особо нуждаемся. Конкуренция с Москвой для нас – положительный фактор, она заставляет власть двигаться, думать. Но Вы знаете, Станислав Юрьевич, это не только медицины касается. Есть Москва. Она является, так же как и любой регион, субъектом Федерации. И есть бюджетный кодекс, который устроен таким образом, что те доходы от производств, которые реально существуют в регионах – зачисляются в бюджет Москвы. И таких незаработанных доходов у столицы, просто потому, что эти предприятия зарегистрированы в Москве, – огромное количество. И произошел перекося – бюджет Москвы сегодня в разы (если брать расклад на одного жителя) превышает бюджеты всех сопредельных, и не только, территорий. Мы с Лужковым очень тесно сотрудничаем, я ему неоднократно об этом говорил, он, в принципе, соглашается, но порой даже не знает, из каких источников формируется его бюджет. Я ему говорю: вот Вы знаете, Юрий Михайлович, что в прошлом году Калужская область заплатила в бюджет Москвы четыре с половиной миллиарда рублей?..

Ст. К.: Налоги имеются в виду?

Ан. А.: Да. Наши люди, которые там работают, наши предприятия, которые там зарегистрированы. Производят здесь, а реализуют продукцию там, а налоги от продаж, они намного превышают налоги от производства. И вот эти шальные деньги и позволяют Москве жировать. А нам многое непозволительно. Это при том, что Калужская область гораздо более обеспечена, чем Смоленская, Тульская, Рязанская, Тверская области. В тех регионах – еще тяжелее ситуация. Можно было бы, конечно, ставить вопрос об установлении справедливости. Но вряд ли в ближайшее время мы на это сможем пойти, потому что москвичи привыкли к своему особому положению. И есть некоторые вещи, которые сегодня делаются за бюджетные средства в Москве, которые для нас являются фантастикой. Мы никогда не позволим себе такие траты.

Ст. К.: Там покупают томографы за 90 миллионов... .

Ан. А.: Кстати говоря, Калужская область в числе тех немногих регионов, к которым у Генеральной прокуратуры никаких замечаний нет. Мы создали у себя еще несколько лет назад министерство конкурентной политики и тарифов, в котором работают самые проверенные люди. Они ведут всю работу по закупкам, и у меня душа спокойна за этот участок работы. Сейчас Владимир Владимирович Путин, следуя нашему примеру, дал указание создать на уровне России такое же министерство. Поэтому Москва – это наша головная боль, боль всех регионов, которые расположены вокруг Москвы. Москва – это как пылесос, выкачивающий из нас кадры. Самые лучшие кадры, а мы, к сожалению, этому противостоять не можем. Точечно что-то делаем, кому-то добавляем, самым ценным работникам. Но не всегда удается удержать их. Разбогатеем!.. Сейчас в Калужской области уровень средней заработной платы – 17 тысяч рублей. Он третий после Москвы и Московской области.

Ст. К.: Замечательно.

Ан. А.: И это произошло за последние годы. Мы с последнего практически места переместились на третье в Центральном федеральном округе. Будем еще развивать экономику, будет больше бюджетных отчислений. Мы в этом году, худо-бедно, уже на 30% приросли по бюджету, на 45% приросли по уровню промышленного производства. Заняли первое место в России. Надеюсь, все это поможет нам.

Ст. К.: Эта проблема имеет негативное продолжение. Я совершенно согласен с Вашими, Анатолий Дмитриевич, словами, когда Вы говорите: *“Надо немедленно разобраться с пребыванием в области нелегальных и полуполигальных эмигрантов из республик Средней Азии и Закавказья, которых у нас, по самым скромным подсчетам, около 25 тысяч. Они не платят налоги в бюджет, сбивают стоимость рабочей силы на рынке труда. От конкуренции с ними калужане должны быть избавлены на законных основаниях”*.

Ан. А.: Так делается в любом цивилизованном государстве.

Ст. К.: Да, жалко их, но, как говорит русская пословица: не солнышко, всех не обогреешь.

Ан. А.: Да. А что делать? Конечно, хотелось бы всем помочь, но ведь мы с этих налогов живем. Если никто не станет платить, то тогда – на что содержать больницы, школы, детские садики и т. д.? – только с налоговых отчис-

лений. Хочешь работать у нас в области – приезжай, регистрируйся, законным образом плати налоги и тогда – все в порядке.

Ст. К.: Анатолий Дмитриевич, Вы действительно в этом смысле человек передовой, так как на инвестиции у Вас, как говорится, легкая рука.

Ан. А.: Потому что мы честно себя ведем с инвесторами.

Ст. К.: И иностранные инвесторы часто приезжают в Калужскую область.

Ан. А.: Не только иностранные.

Ст. К.: Да, но я подумал: это ведь у нас и было когда-то. После разрухи, гражданской войны, революции. Не сразу мы какой-то железный занавес утвердили. Мы кредиты просили, но Запад не давал нам их. Я недавно был в Кемерово, и там есть музей, рассказывающий о тридцатых годах. Тогда, в эпоху Великой депрессии, что бушевала в Европе и Америке, к нам приехало большое количество специалистов с Запада, они помогли нам строить и Магнитку и Кузбасс. И голландские, английские, немецкие инженеры здесь прижились, создали семьи, нарожали детей, подняли наш промышленный тыл, который так помог нам выиграть войну. Сталин был прагматиком и понимал многое. Платил валютой иностранным специалистам, лишь бы работали.

Ан. А.: Я недавно сказал на одном из наших больших российских форумов, что можно поставить задачу все утыкать ядерными ракетами для безопасности своей территории, а можно поступить по-другому: можно позвать их к себе и вместо ракет построить заводы и фабрики, и они сами их будут защищать, свое имущество – и ракеты не потребуются. Он, если здесь построил завод, никуда не унесет его с собой, это будет наш капитал, наши люди там будут работать.

Ст. К.: Вот до того времени, пока Европа не стала приобретать коричневый цвет, у нас были совсем другие отношения с западным миром. У нас даже был лозунг: соединить русский революционный размах и американскую деловитость. Я писал обо всем этом, еще когда работал над книгой о Есенине. Привозили к нам все лучшие образцы западной техники. Традиция эта сохранилась, и слава Богу, что в Калужской области все это развивается.

Ан. А.: Мы по итогам первого полугодия заняли 1-е место в России по объемам привлеченных инвестиций в расчете на одного жителя. И это позволяет нам надеяться, что и завтра мы будем развиваться. Ведь что такое сегодня привлеченные инвестиции – это завтрашние рабочие места, работающие производства. Сегодня многие говорят: давайте мы бюджетные деньги дадим разваливающимся предприятиям, мы их поднимем. Но для чего? Что мы будем производить? Мы должны производить то, в чем человек нуждается. А самое главное сейчас для нас в России – производство знаний. Я долго думал, как показать нашему областному обществу дальнейшее направление движения. Потом сказал ректору Бауманского университета: заведи наше здание администрации области, чтобы все видели, что главное сегодня – знания. Чиновник – он посидит, поработает и не в шикарных условиях, а пусть студенты сюда придут. Пусть каждый, кто приедет в Калугу, спросит: что это за здание такое помпезное?.. А ему скажут – это университет. Вот что сегодня для нас главное. Поэтому Вы, Станислав Юрьевич, совершенно правы, вспоминая прежние времена, это было и в начале XX столетия. Кто только у нас не работал!

Ст. К.: Были концессии в конце двадцатых годов...

Ан. А.: Концессии были. Заводы строили у нас американцы, немцы. До сих пор еще работает их оборудование.

Ст. К.: Анатолий Дмитриевич, еще одно мое мировоззренческое наблюдение над Вашими размышлениями насчет того, что делать для будущего, как верить в будущее. Первый том моих мемуаров называется так: “Русский человек”. Я сам русский человек, и мне хотелось понять сущность русской природы на судьбах людей своей эпохи. Русский человек – это явление уникальное. Это человек, который не хочет упрощаться. Он в будущее тащит все исторические проблемы, которые имеет с незапамятных времен – и свое язычество, и свое христианство, и свое богоборчество, свою борьбу за демократию, и свое преклонение перед авторитетами, и свое раскольниковство, и реформы Никона – ни от чего не хочет отказываться. Вот европейцы гораздо прагматичнее, они легко упрощаются, сбрасывают груз прошлого, как ракета сбрасывает предыдущую свою ступень и летит дальше. А мы живем всем тем, чем жили наши предки. И это – наше богатство, но это и наша тяжесть, сложность всей на-

шей жизни. И для того чтобы понять русского человека, особенно XX века, я подумал написать книгу о человеке, который является эталоном русской натуры – в изъянах и недостатках, в широте и красоте, в заблуждениях, озарениях. Таким человеком я избрал Есенина. В шестидесятые годы я его полюбил, а в девяностые мы вместе с моим сыном Сергеем эту книжку написали. Я ее Вам хочу подарить. Вышло девять изданий этой книги за последние 15 лет. Таков спрос на Есенина, такая это знаковая фигура для русских людей. А в шестидесятые годы, перечитывая Есенина, я наткнулся на строчку: “Не знаю, не помню, в каком селе, может, в Калуге, а может, в Рязани жил мальчик в простой крестьянской семье, желтоволосый, с голубыми глазами” – это он писал про себя. А в Калуге он никогда не был, но почему-то слово Калуга залетело ему в душу, и я подумал, что это знак свыше, и я должен написать книгу о нем.

Ан. А.: Может, Есенин имел в виду Циолковского, который родился в Рязанской губернии, а жил и работал в Калуге.

Ст. К.: Может, и так. Вот эту книгу, последнее издание, только что вышедшее, я подписал Вам и Вашей супруге Зое Иосифовне.

Ан. А.: Спасибо огромное!

Ст. К.: А что касается Ваших мыслей о русском человеке, то они очень мне близки. Вы сказали так: *“Несколько дней назад мы открывали два завода, они будут делать штампованные изделия для автомобильной промышленности, это совместный проект “Северстали” и испанской компании “Гестами”, и я с директором завода шел, и он показывал это производство. Я спросил о проблемах. Он говорит: “Проблем нет никаких, но я хочу отметить удивительную способность к обучению ваших людей (он сам иностранец). Все, что касается техники – они схватывают на лету. Если в другом государстве надо шесть месяцев обучать персонал, то здесь достаточно месяца два – и великолепно работают”*. И дальше Вы затронули нравственную максиму, которой живет русский человек. Не все это понимают, а вы поняли. *“Единственное, чего не любит русский человек, – не любит хамства. А есть такие примеры, и нам приходится в это вмешиваться. Это не касается компаний, а касается конкретных людей, которые в этих компаниях работают, особенно в кадровых службах... Я сказал и постоянно повторяю: относитесь уважительно к людям, которых вы берете на работу”*. И еще одна строчка: *“Тот, кто не жалеет живота за други своя – тот русский человек”* – это Ваш, Анатолий Дмитриевич, ответ на вопрос корреспондента, кто есть русский человек. И Вы добавили: *“И тот, кто с иными народами умеет жить в ладу”*. Как Вы думаете, за последние 20 лет изменилось ли что в характере русского человека?

Ан. А.: Вы знаете, Станислав Юрьевич, в семье всегда бывает всякое...

Ст. К.: Кстати, Анатолий Дмитриевич, Гоголь, мой любимый писатель, говорил о том же русском человеке: *“Что ж это такое – поставь только памятник какой, или забор – столько дряни сразу нанесут...”*

Ан. А.: В семье всегда было не без уroda. И в прежние времена не самые хорошие стороны характера проявлялись в русском человеке. И сегодня такого достаточно. Меня всегда возмущает, когда ищут только плохие примеры и на этом показывают, каким плохим стал русский человек. На самом деле ничего не изменилось. Я вижу, с каждым годом растет число молодых людей, которые хотели бы гордиться своей Родиной – Россией. И даже те, кто живут за границей, занимаются наукой, они думают о возвращении на Родину. Поэтому говорить, что русский человек стал космополитом, не приходится. Были люди, что бомбы кидали в царя, думая, что делают благо, а на самом деле ввергали страну в жестокие потрясения. И сейчас такие люди есть. Но я считаю, что дух русский неистребим. Здесь есть совокупность глубинных корней, к которым мы сегодня относим православие – оно в значительной степени скрепляет наше общество. Что же касается того, что поменялось за последние 20 лет, то я склонен скорее думать о том, что будет в следующие 20 лет. И вот это напрямую зависит от нас. И если разделять степень ответственности за будущее, то мы можем ругать молодежь, но она ответственна в меньшей степени, чем мы, обязанные иметь определенную житейскую мудрость. Мы составляем ее на путь истинный, но здесь велика роль всей нашей огромной системы образования, которая имеет великолепные традиции, и ответственность людей, работающих в этой системе – огромна. Мы должны прививать учащимся основы той великой культуры, носителями которой мы

являемся. И тот груз, как Вы говорили, что мы за собой тянем – этот груз культуры, традиций, – его обязан знать каждый человек. Человек может считать себя культурным не тогда, когда он знает лишь основы техники, а будет понимать смысл жизни. А смысл этот заключается не в строительстве дорог, или машин, или компьютеров. Он заключается в наших духовных богатствах. В их приумножении.

Ст. К.: Я был знаком с замечательным русским советским поэтом Ярославом Смеляковым. У него есть такая строчка: “Должны быть все-таки святыни в любой значительной стране”. Вот юбилеи – это наши святыни. В это время мобилизуется духовная составляющая нашего общества, его историческая память. У нас впереди большие юбилеи. Вот юбилей Евдокии Стрешневой-Романовой – жены основателя династии Романовых Михаила Федоровича и матери Алексея Михайловича, уроженки калужской земли, которая дала России трех цариц.

Ан. А.: Да, династия Романовых многим обязана калужской земле.

Ст. К.: Впереди юбилей полета Гагарина – 50 лет, юбилей победы над Наполеоном в 2012 году – 200 лет. И во всех этих юбилеях без писателей нам не обойтись.

Ан. А.: Без Вас.

Ст. К.: Я горжусь калужской писательской организацией. Я сам издал здесь первую книгу в 1960 году и был принят в Союз писателей. Вся наша калужская земля связана с Пушкиным, с Гоголем, Толстым, Константином Леонтьевым, Мариной Цветаевой, Заболоцким, Леонидом Леоновым – я считаю их нашими земляками. А мои старшие товарищи все – и Николай Панченко, и Николай Воронов, и Булат Окуджава – так или иначе могут считаться калужанами. 21 год я – главный редактор журнала “Наш современник”...

Ан. А.: Самый массовый, кстати, литературный журнал.

Ст. К.: Да. У нас сейчас тираж 9 тысяч. Если сложить тиражи знаменитых в прошлом журналов – “Нового мира”, “Октября”, “Знамени” – это и будет 9 тысяч. Наш журнал популярен у читателей. У нас печатаются Юрий Бондарев, Валентин Распутин и Василий Белов. Печатались Свиридов, Вадим Кожин, Виктор Астафьев. Многие известные калужане занимают почетное место на страницах журнала. Покойный Валентин Волков был постоянным автором журнала. Регулярно печатаются в журнале калужане Юрий Убогий, Андрей Убогий, Вадим Терехин, Сергей Михеенков, Людмила Филатова – всех не перечислить. Я ведь когда работал секретарем московской писательской организации, помогал издаваться многим калужанам, квартиры помогал им получать, вступать в Союз писателей. И мы благодарны руководству области за то, что Вы понимаете важность нашей работы. За то, что пленумы писательские здесь проходят, за Дни славянской письменности. За дни “Нашего современника”. В конце концов, за мои юбилеи. Но с другой стороны – когда я приезжаю к Тулееву в Кемерово, приезжаю в Орел, в Иркутск – там у писателей есть свое собственное место, где они могут собраться, обсудить свои книги, пригласить к себе гостей... Когда-то в Калуге это было, даже издавался альманах “Окские просторы”. Сейчас этого нет. А калужская писательская организация того заслуживает.

Ан. А.: Я не забуду Ваши слова, но надо и писателям свою инициативу проявлять. А чтобы подвести итог нашей беседы, позвольте Вам, Станислав Юрьевич, подарить вот этот фарфоровый барельеф – это Свято-Введенская наша Оптиная пустынь. Жемчужина калужской земли. Великие писатели, которых вы называли, стремились побывать в Оптиной пустыни, где была и есть Благодать Духа Святого. Как и в иных обителях земли калужской.

Ст. К.: Это бесценный подарок, Анатолий Дмитриевич, благодарю Вас.